

Дина Рубина

Белый осел в ожидании Спасителя

Часть сборника
Цыганка (сборник)

Между земель

Дина Рубина

Белый осел в ожидании Спасителя

«ЭКСМО»

2007

Рубина Д. И.

Белый осел в ожидании Спасителя / Д. И. Рубина — «Эксмо»,
2007 — (Между земель)

ISBN 978-5-457-10742-7

«Когда в апреле весь Иерусалим вспыхнул индийской сиренью, дочь потащила меня гулять в Немецкий Посад. Мошава Германит, когда-то сельские уголья: старые каменные дома, выстроенные с немецким тщанием крепкими хозяевами. Они называли себя темплерами, эти колонисты, искали здесь благости, ждали второго пришествия Христа, попутно засевая Святую землю цветами и злаками...»

ISBN 978-5-457-10742-7

© Рубина Д. И., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дина Рубина

Белый осел в ожидании Спасителя

Иерусалимские холмы

*В одном только Иерусалиме востоков и западов множество
Иегуда Галеви. «Кузари»*

1

Когда в апреле весь Иерусалим вспыхнул индийской сиренью, дочь потащила меня гулять в Немецкий Посад.

Мошава Германит, когда-то сельские уголья: старые каменные дома, выстроенные с немецким тщанием крепкими хозяевами. Они называли себя темплерами, эти колонисты, искали здесь благодати, ждали второго пришествия Христа, попутно засевая Святую землю цветами и злаками.

Но ко второй половине девятнадцатого столетия – когда они явились сюда со своими плугами, граблями, семенами и земледельческой хваткой – Мессия по-прежнему запаздывал. Пламенные протестанты обнаружили себя на оставленных Богом задворках Оттоманской империи.

Впрочем, турки не препятствовали заселению немцами пустынной земли, и те налегали на плуги, собирали урожай, строили основательные виллы простой местной архитектуры – дом-сундук под черепичной крышей, стрельчатые улетающие окна.

Устраивались на века: подготавливали строительство Храма Обновленной Веры.

Одновременно с немцами здесь устраивались на века и еврейские поселенцы. Те тоже явились из своих одесских и николаевских гимназий с земледельческими справочниками и технологиями осушения малярийных болот; множество бывших гимназисток в пенсне и без сгорели в лютой лихоманке при возведении Храма Возрожденного Государства.

А между тем, на новые виноградники, поля и апельсиновые плантации в поисках работы потянулись с дальних окраин империи нищие арабские кланы: старуха-история с присущей ей рассеянной небрежностью завязывала очередной гордиев узел.

Все очень тесно здесь переплелось. Жестокие объятия корней цементируют местную почву.

Темплеры с немецкой деловитостью поддерживали вполне добрососедские отношения и с евреями, и с арабами. Многие из них посылали детей учиться в еврейские гимназии и сельскохозяйственные школы. Увы: впоследствии среди офицеров СС были и такие, кто прекрасно владел ивритом, языком своего детства.

Всякий раз, когда я брожу вдоль поэтичных ресторанчиков, ювелирных и антикварных лавок, дорогих бутиков и вилл Немецкого Посада, я невольно думаю о людях, что укладывали мощные тесаные камни, подводили стены под высокие крыши. И не то, чтобы след их простыл – в этом воздухе теплятся и слоятся все следы, силуэты и жесты, угасшие звуки виолончели и флейты, что когда-то неслись из высоких венецианских окон по соседству; он кишит призраками, иерусалимский воздух этой местности, Долины Духов; но все же эманация темплеров угасает под грузом их тяжелой вины: в свое время немецкая община Святой земли встретила ликованием приход Гитлера к власти. В середине прошлого века с ними случилось то, что, конечно, может случиться с любым народом, но почему-то стряслось именно с немцами: не сработал тот главный предохранительный клапан, ответственный за

баланс между силами добра и зла. И освобожденное зло всей немислимой тяжестью адских мегатонн хлынуло, сметая с лица народа божественные черты, обнажая оскаленную пасть Сатаны.

Темплеров Святой земли закрутил дьявольский смерч: юноши их маршировали, выбрасывая руки в римском приветствии, газета «Гитлерюгенд» прочитывалась от корки до корки местными пылкими патриотами Германии, пока британцы, владевшие в те годы мандатом на Палестину, не выкинули из страны марширующих энтузиастов.

– Смотри, – сказала дочь, – открыто кладбище!

И правда, калитка в железных воротах старого христианского кладбища Долины Духов была приотворена, словно минуту назад кто-то проник туда с тайными намерениями, забыв отсечь преследователей закрытой калиткой. И мы немедленно к этой щели подались, воровато заглянули и юркнули внутрь.

Я оказалась здесь впервые. Небольшой прямоугольный участок земли с двумя-тремя десятками надгробий, разбросанных как попало, был почти сплошь покрыт густой по весне яркой травой и присыпан желтыми горстями сурепки.

А в центре участка на деревянной скамье под цветущим деревцем индийской сирени кайфовал на солнце какой-то восточный человек, вначале принятый нами за кладбищенского нищего, – может, потому, что держал в руке железную кружку. Он издали улыбнулся нам и даже слегка поклонился.

Потом выяснилось, что в кружке остывал кофе. А Меир – так звали восточного человека – состоял при кладбище смотрителем. Но разговорились мы у могилы Славы Курилова.

Я и не знала, что Слава похоронен именно здесь. Прочитала надпись на камне, ахнула, всплеснула руками, как будто углядела в траве редкую монету, и стала рассказывать дочери, что это был за человек, Слава Курилов. О его безумном плане побега с советского корабля, о том, как трое суток он плыл в океане, о его жизни здесь и о смерти в водолажном скафандре – видать, все же на роду ему была написана гибель в воде! – в озере Кинерет.

И пока рассказывала, заметила, что нищий поднялся со скамейки и с кружкой в руке направился к нам. Я достала кошелек и вытащила монету. Если человек просит, говорит мой папа, надо дать. На сей счет выучка у меня железная.

Но замешкалась, и слава богу, он заговорил с нами за несколько шагов, и по тону, по улыбке – хозяйской, пригласительной – я поняла, что он отнюдь не нищий, а наоборот, до известной степени владетель этого уютного дворика, со всех сторон стиснутого домами Долины Духов.

– Это Слава, Слава! – говорил он, приближаясь и покачивая, баюкая кружку, чтобы напиток быстрее остыл. – Ты знаешь Славу?

И минут через десять оживленного разговора мы уже накоротке познакомились с Меиром, что сидит на этом кладбище сорок лет.

– Я сорок лет, а до меня мой отец сидел... Я здесь со всеми знаком.

– А отец-то как сюда попал?

– Он из Персии пришел, пешком. Тогда в Иерусалим все бедняки пешком шли. Персию знаешь? Город такой, Шираз?

– Да кто ж его не знает... – Я не стала уточнять, что знаю Шираз исключительно по русской поэзии.

– Вот, из Ширази пять месяцев шел в Иерусалим, совсем отошал. По пути что не отобрали, то на еду обменял. Худой был, как верблюжья колючка... И здесь на рынке его подобрал господин Шульц, Корнелиус Шульц. Уважаемый человек был, землемер. Вот он отца к этой должности и приставил. У них как раз тогда умер старый смотритель могил... А ты, выходит, знаешь Славу? Видишь, какая у него отличная плита. Он доволен. Красиво жил, красиво плыл и умер красиво... И вдова у него красивая. Я со всеми здесь знаком! – Он

говорил, широко поводя рукой на зеленые травянистые лужайки, ничем не помеченные, ни камнем, ни крестом. – Со всеми. Всюду здесь люди! – И глазами улыбался: – Всюду люди! И какие люди! Здесь простых нет. Нет! Правда, не у всех наследников есть деньги поставить памятник... Да и наследники не у всех есть. Миллионеров здесь не найдешь, нет. Вон там, у забора, лежит святая женщина. Подбирала сирот, разных сирот, и тех, что выжили после лагерей, и других. Для нее не было слов «нация», «кровь». Арабский ребенок, еврейский ребенок... Только жизнь ребенка, только жизнь... А напротив, через дорожку, лежит протестантский священник. Приехал сюда еще до войны, а потом в Германии погибла у него вся семья – они прятали евреев. На них донесли соседи... лагерь-шмагерь... как это водится. И все они улетели в небо, а он теперь с ними, благословен Господь.

– Но... как же... как можно понять, где захоронение? – спросила дочь. – Здесь же вокруг просто трава.

– У меня есть карта, – ласково и доверительно объяснил он, словно признавался во владении картой Острова Сокровищ.

– А там?.. – Дочь кивнула в сторону высокого каменного забора, меж крупными камнями которого вился богатым зеленым плюшем молодой мох. – Еще один участок?

– Там кладбище темплеров! – сказал Меир важно. – Это тоже все мое. Хотите, открою ворота? Я редко кого туда пускаю, но вы такие симпатичные. Подождите, только возьму ключ и запру офис. – Он поставил свою кружку на вертикальную плиту из розоватого, с бордовыми прожилками, камня и направился в угол двора, где к стене лепилась сторожка, похожая на собачью будку в человеческий рост. И через минуту вышел оттуда с большим железным ключом, нарочито бутафорским, с вензелями и узорной бородой – таким скупые волшебники в детских фильмах запирают свои сундуки.

Железную кружку с остывшим кофе он не забыл, прихватил с собой и дал поддержать Еве, пока запирали калитку, а затем отворял – тем же ключом! – ворота кладбища темплеров.

Мы вошли и очутились в ином пространстве.

Этот участок был больше и полутора веками старше соседнего, с которым сросся каменной стеной, прошитой мшистыми шнурочками. И несмотря на то, что разновеликие памятники теснились всюду, подпирая друг друга плечами и едва не срастаясь спинами и боками, казался просторней и величественней.

К тому же, на этой половине кладбища стояли стражей вдоль забора матерые сосны, вознесенными кронами оберегая от ликующего солнца донную глубину запредельного покоя.

Здесь царил старый иерусалимский камень, заласканный мхом, что пророс в завитушках на вензелях и гербах, на треснувших каменных розах и ручках греческих амфор; старый иерусалимский камень, первоматерия этих божьих холмов. Он глядит на вас со всех мыслимых поверхностей – мостовых, стен, столов и скамеек; надгробий, наконец. Да: и умерев, покоятся под этим камнем, под его плотью, податливой к резьбе и узорам, к буквам алфавитов разных наречий...

Меир выждал несколько минут, пока мы с дочерью молча оглядывались на этом клочке зачарованного царства. Два-три узорных солнечных пятна непрерывно двигались по плитам, скользя и вздрагивая, и казалось, что это игра шаловливых ангелов: а вот сюда положим салфеточку, вышитую-солнечную... нет-нет, сюда!

Над нашими головами огрузла звучная тишина, прошитая короткими стежками птичьего посвиста.

– Вот, – произнес Меир любовно. – Здесь все знаменитые люди. Вон там, в углу, видите – красивый такой двуглавый памятник? Это архитектор, что построил Дормицион. А рядом знаменитый врач, бароном был. А тот вон, домиком, серый – это художник, его приглашали расписывать церкви по всей Европе. Они ведь только сначала носились со своими религиоз-

ными глупостями насчет пришествия Мессии. Потом обжились, хозяйством обросли, нарожали детей и внуков и зажили богатой светской жизнью. И отлично жили, отлично! Смотрите, вон там, в углу, у меня покоится трио: виолончель, скрипка и флейта. Конечно, каждый из них был при жизни ветеринар, фельдшер или аптекарь, но по субботам собирались и играли для публики, для друзей. Все знали про музыкальные вечера в доме Рудольфа Майера. Так сыгрались, что завещали похоронить их рядом! Не удивлюсь, если по ночам кто-то в тех соседних домах слышит какого-нибудь Моцарта, или как его... Шуберта...

Уверенно переступая через бордюры и ступеньки, он вел нас от одного последнего пристанища к другому, попутно рассказывая байки, все больше увлекаясь, изображая давно умерших в лицах, будто присутствовал при диалоге столетней давности:

– «Как?!» – воскликнул архиепископ. – Меир останавливался, опирался рукой о камень, под которым, собственно, и покоился изображаемый им персонаж. – «Я полагал, что разговариваю с гением, но вижу, что вы, барон, всего-навсего дворянин...»

По мере того, как истории сыпались одна за другой, я узнавала известные анекдоты из расхожих книжек серии «знаменитые шутят», и восхищалась находчивостью нашего гида. Он верен был собственным корням, в главном оставался восточным человеком: торговля по-прежнему была здесь основой жизни. Только товар нашего знакомого для обычного торгова был непригоден. Молчаливые сосны, замшелые плиты, птичий посвирк... Как, как понял он, что загробный дух покинутых могил тоже способен принести кое-какую прибыль?

Я слушала его с улыбкой. Дочь, для которой все эти истории были в новинку, не могла отвести глаз от лукавой физиономии продавца воздуха.

– Послушай, – спросила я наконец, – и все-таки... Как же так: вот эти все достойные имена...

– О, – перебил он привычно, – такие достойные люди, такие великие люди здесь...

– ...почему же дети и внуки этих *достойных людей*, – подражая Меиру, я широко повела рукой, – тех, кто здесь похоронен, так горячо приветствовали приход Гитлера к власти? Ведь тут действовало сразу несколько филиалов нацистской партии! Что им был этот Гитлер там, в Германии, за тридевять земель от Иерусалима, – им, которые могли прочесть Святое писание на языке подлинника!

Я полагала, он смутится. Ничуть: не переставая улыбаться, Меир сокрушенно покачал головой:

– Да, да... Великое искушение, большая беда... Господь отнял у них разум. И британцы выкинули их из страны – и были правы! Ведь Англия в тридцать девятом объявила Германии войну. И когда генерал Роммель придвинулся со своими войсками к границам, темплеров погрузили на корабль, который отплыл в Австралию... Часть из них бежала на Кипр, но затем все равно рассеялась по разным землям... Понимаешь, британцы боялись, что темплеры станут сотрудничать с нацистами. И были правы, правы! А сейчас дети и внуки тех, изгнанных, приезжают сюда туристами из Германии, из Австралии, даже из Новой Зеландии навестить могилы и взглянуть на дома своих предков... Понимаешь, Иерусалим... это для темплеров не пустой звук! Нет, не пустой звук... А они видишь как... – и развел руками, – оплошали!

– Оплошали?! Похоже, тебе их жалко?

– Жалко, – кивнул он, улыбаясь. – Когда людей выгоняют из домов, с детишками и стариками... всегда жалко. Я только представляю, как они грузятся на корабль с двумя чемоданами на целую семью...

– Но ты сам сказал минуту назад, что британцы выгнали их справедливо!

– Ну и что, – легко ответил он. – Справедливо это справедливо, а жалко это жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.